

ГЛАШЕРЪБОРЕНІ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ

СТИХОВЪ

И

КРИТИКИ

IX—X

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

1913

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихи.

Анна Ахматова	3
Сергѣй Гедройцъ	6
Сергѣй Городецкій	9
Н. Гумилевъ	12
М. Зенкевичъ	17
Георгій Ивановъ	20
М. Кузминъ	25
М. Лозинскій	28
О. Мандельштамъ	30
Владимиръ Нарбутъ	33
В. Парнокъ	36
Н. Пунинъ	37
В. Шилейко	39

ВОСЬМИСТИШЯ.

1.

Потускнѣлъ на небѣ синій лакъ,
И слышнѣе пѣсни окарины.
Это только дудочка изъ глины,
Не на что ей жаловаться такъ.

Кто ей разскажалъ мои грѣхи,
И зачѣмъ она меня прощаетъ?..
Сквозь листву растрепанной ольхи
Солнце землю косо освѣщаетъ.

2.

Чернѣетъ дорога приморскаго сада,
Желты и свѣжи фонари.
Я очень спокойная. Только не надо
Со мною о немъ говорить.

Ты милый и нѣжный, мы будемъ друзьями...
Гулять, цѣловаться, старѣть...
И легкіе мѣсяцы будутъ надъ нами,
Какъ снѣжныя звѣзды, летѣть.

3.

Родилась я не поздно, не рано,
 Это время блаженно одно.
 Только сердцу прожить безъ обмана
 Было Господомъ не дано.

Оттого и темно въ свѣтлицѣ,
 Оттого и гости мои,
 Какъ вечернія, грустныя птицы,
 О небывшей поють любви.

4.

Твой бѣлый домъ и тихій садъ оставлю.
 Да будетъ жизнь пустынна и свѣтла.
 Тебя, тебя въ моихъ стихахъ прославлю,
 Какъ женщина прославить не могла.

И ты подругу помнишь дорогую
 Въ тобою созданномъ для глазъ ея раю,
 А я товаромъ рѣдкостнымъ торгую—
 Твою любовь и ивжность продаю.

То пятое время года,
Только его славословь.
Дыши послѣдней свободой,
Потому что это любовь.

Высоко небо взлетѣло,
Легки очертанья вещей,
И уже не празднуетъ тѣло
Годовщину грусти своей.

1.

Я спозналъ царевну недотрогу,
Шла она, накинувъ шубку кунью.
До зари распытывалъ небогу,
До утра разспрашивалъ колдунью.

Знахарямъ сулилъ червонцевъ много,
Чтобъ на помощь шла нечиста сила,
Чтобъ краса, царевна недотрога,
Чтобъ меня царевна полюбила.

2.

Мнѣ тоска стомила сердце,
Съ грусти-горя я зачахъ.
Изъ баяна, пѣснопѣвца,
Побродяги сталъ монахъ.

На замкѣ мои ворота,
Нѣтъ къ нимъ ходу, ни пути.
Эхъ, кабъ выпить отворота,
Отъ тоски-змѣи уйти.

Конь осѣдланъ крутобокій.
Кабы ногу въ стремя вдѣтъ
Да на теремъ на высокій,
Отъѣзжая, не глядѣтъ.

3.

Мнѣ потому хорошо, что я молодъ,
Жизнь бьетъ ключами, стелется степью,
Что мнѣ дороги лошадь да поводъ,
Поводъ, украшенный кованой цѣпью,

Кудри ласкаетъ утренній холодъ.
Конь на дыбы, обожгу его плетью.
Что мнѣ преграды, я воленъ, я молодъ.
Гдѣ жъ ты, царевна съ жемчужною сѣтью?

Всю ночь ко мнѣ въ окно стучали,
Всю ночь стучали мнѣ въ окно,
А въ сердцѣ радостно звучали
Слова, забытыя давно.

Неясный шорохъ робкой мыши
Иль взлетъ тяжелаго крыла,—
Не все ль равно: тотъ шумъ заслыша,
Я понялъ, ты меня звала.

Тотъ зовъ, глубокій и печальный,
Волны отхлынувшей прибой,
Сказалъ мнѣ все: я не случайный,
Я не чужой, я просто твой.

1.

ВЕЧЕРОМЪ.

Какъ далекъ я раю,
Какъ любовь убога!
„Я тебя ласкаю,
Ты меня не трогай!“ —

Такъ она сказала
И, вздохнувъ отъ скуки,
Ручкою усталой
Гладила мнѣ руки.

Неподвижнымъ тѣломъ
Злобно каменѣя,
Розовый на бѣломъ,
Я лежалъ предъ нею.

А она, сверкая
Темно-желтой кожей,
Улеглась, нагая,
На змѣю похожа.

Нульсовъ нашихъ студи
Не смыкала нѣга.
Вдругъ я вырвалъ руки,
Всталъ, какъ звѣрь, забѣгалъ.

Ночь давно укрыла
Ближнихъ крышъ уклоны.
Въ окна видно было,
Какъ сидѣлъ ученый, —

Тамъ, напротивъ, съ книгой,
Лысый, змѣй мудрѣе.
Душу міра двигалъ,
Въ темныхъ тайнахъ рѣялъ.

Съ добродушнымъ смѣхомъ
Я стоялъ немало.
А змѣя подъ мѣхомъ
Безъ грѣха дремала.

И плоды познанья
Недоступны были
Мнѣ, жрецу лобзанья,
Какъ и другу пыли.

Какая страшная повздка,
Какой тяжелый бѣлый день!
Холодный вѣтеръ хлещетъ рѣзко,
Извозчикъ мчится, какъ олень.

И, какъ тайга, Нева пустая
Притихла, злобно утаивъ,
Что, грязный ледъ приподымая,
Подъ ней реветъ морской приливъ.

Люблю и нѣмъ. Нѣма и любить.
И знаетъ: радости земной
Ничто мучительнѣй не губить,
Чѣмъ пытка злою тишиной.

1.

ЛЕОНАРДЪ.

Три года чума и голодъ
Разоряли большую страну,
И народъ сказалъ Леонарду:
Спаси насъ, ты добръ и мудръ.

Старинныхъ, завѣтныхъ свитковъ
Всѣ тайны зналъ Леонардъ.
Въ одно короткое лѣто
Страна была спасена.

Случились распри и войны,
Когда скончался король.
Народъ сказалъ Леонарду:
Отнынѣ король нашъ—ты.

Была Леонарду знакома
Война, искусство царей.
Поэты побѣдныя оды
Не успѣвали писать.

Когда же страна усмирилась,
И пахарь взялся за плугъ,
Народъ сказалъ Леонарду:
Ты молодъ, возьми жену.

Спокойный, ясный и грустный,
Въ отвѣтъ молчалъ Леонардъ,
А ночью скрылся изъ замка,
Куда,—не узналъ никто.

Лишь мальчикъ пастухъ, дремавшій
Въ ту ночь въ далекихъ горахъ,
Говорилъ, что явственно слышалъ
Согласный гулъ голосовъ—

Какъ будто орелъ парящій,
Овень, человекъ и левъ
Вопіяли, пѣли, зывали,
Говорили заразъ во тьмѣ.

СНОВА МОРЕ.

Я сегодня опять услышалъ,
 Какъ тяжелый якорь ползетъ,
 И я видѣлъ, какъ въ море вышелъ
 Пятипалубный пароходъ,
 Оттого то и солнце дышитъ,
 А земля говоритъ, поетъ:

„Неужель хоть одна есть крыса
 Въ грязной кухнѣ иль червь въ норѣ,
 Хоть одинъ беззубый и лысый
 И помѣшанный на добрѣ,
 Что не слышать пѣсенъ Улисса,
 Призывающаго къ игрѣ?“

Ахъ, къ игрѣ съ трезубцемъ Нептуна,
 Съ косами дикихъ nereидъ,
 Въ часъ, когда буруны, какъ струны,
 Звонко лопаются и дрожатъ
 Пѣна въ нихъ или груди юной,
 Самой нѣжной изъ Афродитъ.

Вотъ и я выхожу изъ дома
 Повидаться съ иной судьбой,
 Цѣлый мѣръ, чужой и знакомый,
 Породниться готовъ со мной,
 Береговъ изгибы, изломы,
 И вода, и вѣтеръ морской.

Но врагамъ не предамъ лукаво,
Ни лобзанье Іуды дамъ
Я пути, что легъ величаво,
Молчаливо легъ по холмамъ,
И лунѣ, что встала, какъ слава,
И сіяетъ обоимъ намъ.

Солнце Духа, ахъ, беззакатно,
Не землѣ его побороть,
Никогда не вернусь обратно,
Усмирю усталую плоть,
Если лѣто благопріятно,
Если любить меня Господь!

3.

ОТЪЪЗЖАЮЩЕМУ.

Сергѣю Городецкому.

Нѣтъ, я не въ томъ тебѣ завидую
Съ такой мучительной обидою,
Что уѣзжаешь ты и вскорѣ
На Средиземномъ будешь морѣ.

И Римъ увидишь и Сицилію,
Мѣста, любезныя Виргилію,
Феррара такъ легко и просто
Тебѣ напомнимъ Аріосто.

Срывай огромную глицинію,
Преслѣдуй ящерицу синюю,
Въ благоухающей, лимонной
Трущобѣ стихъ сложи влюбленный!

Что до природы мнѣ, до древности,
Когда я полонъ жгучей ревности.
Вѣдь ты во всемъ ея убранствѣ
Увидѣлъ Музу Дальнихъ Странствій.

Вѣдь для тебя въ рукахъ измѣнницы
Въ хрустальномъ кубкѣ нектаръ пѣвится,
И огнедышащей бесѣды
Ты знаешь молніи и бреды.

А, я какъ нѣкими гигантами,
Торжественными фоліантами
Отъ вольной жизни запертъ въ нишу,
Ея не вижу и не слышу.

1.

ВЪ ЛОГОВИЩЕ!

Пускай рога трубятъ по логу,
И улюлюканье въ лѣсу,—
Какъ звѣрь, въ родимую берлогу
Комокъ кровавый унесу.

Гоните псовъ по мерзлымъ травамъ,
Ищите яму, гдѣ лежу!
Я языкомъ своимъ шершавымъ
Всѣ раны сердца залижу.

А нѣтъ... Такъ, ошетинаясь къ бою,
Втянувъ въ разрытый пахъ кишки,
Съ желѣзнымъ лясканьемъ открою
Изъ пѣны желтые клыки.

ВѢЧНАЯ РИОМА.

Предъ десятками загоновъ пурпурные души
 Изъ вскрытыхъ артерій увлажняли зной.
 Молодцы, окончивъ раздѣлку туши,
 Выходили изъ сараевъ за очередной.

Тянули веревкой осовѣлую скотину,
 Кровавыми руками сучили хвостъ.
 Станокъ желѣзный походилъ на гильотину,
 А полъ асфальтовый на черный помостъ.

Боецъ короткимъ ударомъ кинжала
 Безъ хруста крушилъ спинной позвонокъ,
 И, рухнувши, мертвая груда дрожала
 Безсильнымъ ляганьемъ заднихъ ногъ.

Потомъ, какъ бритвой, полоснувъ у шеи,
 Спускалъ въ подставленные формы шлюзъ.
 Въ зрачкахъ, какъ на угольяхъ, гаснулъ, синѣя,
 Хребта и черепа золотой союзъ...

И, словно въ гуртахъ средь степного приволья,
 Въ одномъ изъ загоновъ вздыбленный быкъ,
 Сотрясая треньемъ жерди и колья,
 Въ углу къ годовалой телкѣ приникъ.

Онъ будто не чуялъ, что сумракъ близокъ,
Что скоро придется стальнымъ ногамъ
Съ облупленной шкурой литой отгрызокъ
Отрѣзаннымъ сбросить въ красный хламъ.

И я думалъ, смиряя трепеть жгучій:
Какъ въ нѣжныхъ любовникахъ, убойную кровь
И въ быкъ каменолобомъ ударомъ созвучій
Оглушаетъ вѣчная риѣма—Любовь!

1.

Я помню своды низкаго подвала,
Расчерченные углемъ и огнемъ,
Всѣ четверо сходились мы, бывало,
Тамъ посидѣть, болтая, за виномъ,
И зеркало большое отражало
Насъ, круглый столъ и лампу надъ столомъ.

Одинъ все пилъ, нисколько не пьянѣя.
Онъ былъ навязчивый и злой нахаль.
Другой—веселый, а глаза синѣе
Воды, что вѣтерокъ не колыхалъ.
Умершаго я помню всѣхъ яснѣе—
Онъ красилъ губы, кашлялъ и вздыхалъ.

Шелъ разговоръ о картахъ или скачкахъ
Обыкновенно. Грубыя мечты
О дракахъ, о старушечьихъ подачкахъ
Высказывалъ поэтъ. Разинувъ рты,
Мы слушали, когда, лицо испачкавъ
Бѣлилами и краской, пѣла ты.

Подъ каштаньеты послѣ танцовала,
Кося и странно поджимая ротъ,
А изъ угла насмѣшливо и вяло
Слѣдилъ за нами и тобой уродъ,
Твой мужъ. Когда меня ты цѣловала,
Я видѣлъ, какъ рука его беретъ

Ножъ со стола. Онъ, впрочемъ, былъ приученъ
Тобою ко всему—и не дурилъ.
Шепталъ порой, но шопотъ былъ беззвученъ,
И лишь въ кольцѣ поблескивалъ берилъ,
Какъ злобный глазъ. Да, онъ тебя не мучилъ
И дерзостей гостямъ не говорилъ!

Такъ ночь послѣдняя пришла. Прекрасна
Особенно была ты. Какъ кристалъ,
Жизнь полумертвецу казалась ясной,
И онъ, развеселившись, хохоталъ,
Когда огромный негръ въ хламидѣ красной
Предъ нами, изумленными, предсталъ.

О, взмахъ хлыста! Метнулись морды волчьи.
Я не забуду взора горбуна
Счастливаго. Безтрепетная, молча
Упала на колѣни ты, блѣдна.
Погасло электричество, и желчью
Все захлестнула желтая луна.

Мнѣ кажутся тысячелѣтнимъ грузомъ
Тѣ съ легкостью прожитые года.
На горбунѣ халать съ бубновымъ тузомъ;
Ты гордостью послѣднею горда.
Я равнодушенъ. Я не вѣрю музамъ
И свѣта не увижу никогда!

2.

А. Г.

Всѣ дни съ другимъ, всѣ дни не съ вами,
Смѣюсь, вздыхаю, и курю,
И равнодушными словами
О безразличномъ говорю.

Но въ ресторанѣ и въ пролеткѣ,
Въ разнообразныхъ смѣнахъ дня,
Вашъ образъ сладостно-нечеткій
Не отступаетъ отъ меня.

Я не запомнилъ точныхъ линій,
Но ясный взоръ и нѣжный ротъ,
Но шею надъ рубашкой синей
Неизъяснимый поворотъ—

Преслѣдуютъ меня и мучать,
Сжимаютъ обручемъ виски,
Долготерпѣнью сердце учать,
Не признававшее тоски.

А спутникъ мой со мною рядомъ
Лелѣетъ безнадежный сонъ,
Не хочетъ словъ, не вѣритъ взглядамъ
И дружбою не утоленъ.

3.

ОСЕННИЙ ФАНТОМЪ.

Отчаянною злостью
Перекося лицо,
Размахивая тростью,
Онъ вышелъ на крыльцо.

Онъ торопливо вышелъ,
Не застегнувъ пальто,
Никто его не слышалъ,
Не провожалъ никто.

Разбрызгивая лужи,
По улицамъ шагаль,
Одно другого хуже
Проклятья посылалъ.

Жестоко оскорбленный,
Тебѣ отрады нѣтъ,
Осмѣянный, влюбленный,
Непризнанный поэтъ.

А могъ бы стать счастливымъ,
Веселымъ болтуномъ,
Безчинствовать за пивомъ,
Не зная объ иномъ.

Осенній вѣтеръ—грубымъ
Полетомъ тучи рвалъ,
По водосточнымъ трубамъ
Холодный дождь бѣжалъ,—

И мчался онъ со злостью,
Намокшій усъ крутя,
Расщепленною тростью
По лужамъ колотя.

М. Кузминъ.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЭНДИ.

Ю. Ракитину.

Разочарованъ, мраченъ, скученъ,
Страну родную покидалъ.
Мечтѣ возвышенной послушенъ,
Искалъ повсюду идеалъ.
Бездоненъ жизненный колодець,—
Когда и кто его избѣгъ?
Трудиться?—я не полководецъ,
Не дипломатъ, не хлѣбопекъ.

Тщеславье?—это такъ вульгарно.
Богатство?—это такъ старо.
Ломаеть чернь неблагодарна
Поэта славное перо.
Любовь! единая отрада,
Маякъ сей жизни кочевой,
И тихомирная услада,
И ядъ безумно огневой!
Ищу тебя, моя Жарь-птица,
Какъ нѣкій новый Донъ-Жуанъ,
И ахъ, могло ли мнѣ присниться,
Что и любовь—одинъ обманъ?
Теперь узналъ, какъ то ни больно,
Что я ловилъ пустой фантомъ,
И дымъ отечества невольно
Мнѣ сладокъ, какъ родимый домъ.
Отъ Эдинбурга до Канады
И отъ Кантона вплоть до Сьерръ
Я не нашелъ себѣ отрады,
Теряя лучшую изъ вѣръ.
Ахъ, женщины совсѣмъ не тонки,
Готовы всѣ на компромисъ,
И негритянки, и японки,
И даже англійскія миссъ.
Мнѣ экзотическія чары
Сулили счастье до дна,
Но это все аксесуары
И только видимость одна.
Теперь при видѣ блѣдной лэди
Я не впадаю больше въ трансъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ, позабывъ о пледѣ,
Покинулъ спѣшно дилижансъ.

Видь добродѣтельныхъ Лукрецій
Мнѣ ничего не говоритъ,
А специальныхъ разныхъ специй
Желудокъ мой ужъ не варить.
Не знаю, вы меня простите ль
За мой томительный куплетъ?
Теперь я зритель, только зритель,
Не Донъ-Жуанъ и не поэтъ.

1.

ВОСКРЕСШАЯ.

Аннѣ Ахматовой.

Еще свою я помню колыбель,
И ласково земное новоселье,
И тихихъ пѣсенъ мимолетный хмель,
И жизни милой бѣглое веселье.

Я отдаюсь, какъ кроткому лучу,
Неяркимъ днямъ моей страны родимой.
Я знаю—есть покой, и я хочу
Тебя любить и быть тобой любимой.

Но въ душномъ сердцѣ—дивно и темно,
И ужасъ въ немъ, и скорбь, и пѣснопѣнье,
И на губахъ, какъ темное пятно,
Холодныхъ губъ горитъ напечатлѣнье,

И слухъ прибоемъ и стenanьемъ полнъ,
Какъ будто вновь, еще взглянуть не смѣя,
Я уношу отъ безутѣшныхъ волнъ
Замученную голову Орфея.

2.

У ПОТОКА.

Все забылъ, и ничего не надо.
 Распростился навсегда съ просторомъ.
 Подарилась поздняя отрада
 Все на свѣтѣ разлюбившимъ взорамъ.

Все бывшее глубина уводитъ
 Въ тихой смѣнѣ, въ нѣгѣ переливной.
 Въ темной влагѣ что за пламень ходитъ,
 Что за свѣтъ, невиданный и дивный!

Медлитъ, манитъ, тихій и далекій,
 Повторяетъ вкрадчивыя пѣсни:
 Утони въ томительномъ потокѣ,
 Наклонись, обрадуйся, исчезни!

3.

Есть въ мірѣ музыка безвѣтренныхъ высотъ,
 Есть лютя вѣщя надъ сумракомъ унывымъ.
 Тотъ опаленъ судьбой, кого настигъ чередъ,
 Когда она гудитъ и ропщетъ въ вихрѣ дивномъ.

Не ветхимъ воздухомъ тревожима она,
 Но духомъ вѣчности, несущимся въ просторѣ.
 Довѣрься тишинѣ, она одна звучна,
 Мечтатель, человекъ, уставшій слушать море!

1.

АННѢ АХМАТОВОЙ.

Въ поль-оборота—о, печаль!—
На равнодушныхъ поглядѣла.
Спадая съ плечъ, окаменѣла
Ложно-классическая шаль.

Зловѣщій голосъ—горькій хмель—
Души расковываетъ нѣдра.
Такъ, негодующая Федра,
Стояла нѣкогда Рашель.

Б А Х Ъ.

Здѣсь прихожане—дѣти праха,
И доски вмѣсто образовъ,
Гдѣ мѣломъ—Себастьяна Баха
Лишь цифры значатся псалмовъ.

Разноголосица какая
Въ трактирахъ буйныхъ и церквахъ!
А ты ликуешь, какъ Исая,
О, разсудительнѣйшій Бахъ.

Высокій спорщикъ, неужели,
Играя внукамъ свой хораль,
Опору духа, въ самомъ дѣлѣ,
Ты въ доказательствѣ искалъ?

Что звукъ? шестнадцатая доли—
Органа многосложный крикъ—
Лишь воркотня твоя, не болѣ,
О, неговорчивый старикъ.

И лютеранскій проповѣдникъ
На черной каедрѣ своей
Съ твоими, гнѣвный собесѣдникъ,
Мѣшаетъ звукъ своихъ рѣчей!

... Мы напряженного молчания не выносимъ:
 Несовершенство душъ обидно, наконецъ!
 И въ замѣшательствѣ ужъ объявился чтецъ,
 И радостно его привѣтствовали: „просимъ!“.

Я такъ и зналъ, кто здѣсь присутствовалъ не-
 зримо!

Кошмарный человекъ читаетъ Улялюмъ.
 Значенье—суета, и слово—только шумъ,
 Когда фонетика служанка Серафима.

О домѣ Эшеровъ Эдгара пѣла арфа.
 Безумный воду пилъ, очнулся и умолкъ...
 Я былъ на улицѣ... Свистѣлъ осенній шелкъ...
 Чтобъ горло повязать я не имѣю шарфа!..

†.

ТЕЛЕНЕНЬ.

Рыжій помѣщикъ,—длиннющія руки
И широченная лапа-ступня,—
Влѣзши въ короткіе въ клѣточку брюки,
Брюзгнетъ, какъ перещель, день ото дня.

Что то не видно знакомыхъ давненько...
Законопатился въ отчемъ и самъ...
Вонъ на крыльцѣ на парадномъ ступенька
Плѣсенью кроется: просится къ мхамъ.

Скоро, пожалуй, и крыша изъ теса
Рухнетъ, расплющивъ чердачную ларь.
Только высокія—въ сажень—колеса
Возять карету, огромный фонарь,

О, какъ торжественно, въ праздникъ, стремится
Въ церковь, влекомая парой коней!
Спицы мигаютъ, дорога дымится,
А на запяткахъ—въ ливреѣ лакей.

Пуху подобно, расчесаны баки,
Выбриль старательно, старый, усы.
За косогоры протиснулись злаки,
Брежутъ и къ дышлу кидаются псы.

Весело телепню: мѣсятъ подковы;
Дѣвки, шарахаясь, лишнуть къ жилью.
И расправляется глоткой здоровой:
„Эй вы, такія-сякія, тю-тю!“

А на запяткахъ, прижавшись, какъ муха,
И распозаясь улыбкой на крикъ,
Вѣжливо клонитъ къ окошечку ухо
Въ зеленоватой ливреѣ старикъ.

2.

АБИССИНІЯ.

Мимозы съ иглами, длиной въ мизинецъ,
И кактусы—распятыя спруты,
И кубы плоскокрышіе гостиницъ,
И въ дланяхъ нищихъ конскіе хвосты,—

О Эѳіопія! Во время оно
Такой, такой ли ты была, когда
Твоя царица въ градѣ Соломона
Сверкала, какъ вечерняя звѣзда?

Погибла ль въ прошломъ ты иль неужели
Вернуться къ Моисею предпочла,
Влача толстоподшвыя доселѣ
Сандаліи изъ грубыхъ чреслъ вола?

Слѣжу тебя въ ветхозавѣтномъ мракѣ,
За кряжемъ осыпающихся горъ,
У чьихъ подножій тучныхъ кожемяки
Распластываютъ кожи до сихъ поръ.

И копья воиновъ твоихъ какъ будто
Несутъ, все тѣ же, тѣ же острія,
Что изъ груди Распятаго раздутой
Исторгли вздохъ послѣдній бытія!

ИЗЪ АѢИИЪ.

Ларець мнѣ присланъ изъ АѢИИЪ.
Въ немъ дно—какъ убранное ложе:
И легкій, пряный тамъ жасминъ,
И лавръ, и тиміанъ уложеть.

Быть можетъ, на краю холма,
Въ долину или на кладбищу
Она срывала ихъ сама
Иль ей поднесъ ихъ смуглый нищій.

Здѣсь дальней вѣстью предо мной
На днѣ, подъ зеленью неожиданной,
Обломокъ вазы скрытъ рѣзной
И край письма благоуханный.

Слабѣю въ ароматахъ травъ,
Закрывшихъ мраморную вазу.
И вотъ, съ письма печать сорвавъ,
Внимаю быстрому разсказу.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ΘЕОДОРЪ ИМПЕРАТРИЦЪ РОМЕЙСКОЙ.

I.

Не снять тоски тяжелаго убора
Мнѣ даже опіума чернымъ дымомъ
Съ тѣхъ поръ, какъ ты, святая Θεодора,
Ко мнѣ сошла таинственно-незримой.

Огромныхъ глазъ предсмертная тревога,
Усталыхъ губъ улыбка неземная...
Ты одинока даже въ Царствѣ Бога,
Поруганная и святая.

Но я не вѣрю ложнымъ показаньямъ,—
Ты не могла быть жалкою гетерой,
Въ твоёмъ святомъ и царственномъ молчаньи
Такая пламенная вѣра.

И я молюсь тебѣ, актриса—Леда,
Цѣлуя слѣдъ во прахѣ Ипподрома.
Какая въ сердцѣ свѣтлая побѣда!
Какая въ тѣлѣ сладкая истома!

Пусть дай душа печаль ея простится,
И вы мое забудьте, люди, горе,
Но я люблю, люблю, Императрица,
Тебя въ твоёмъ торжественномъ уборѣ.

II.

Не вѣнчай, хорони меня лучше,
Все равно,—не воскреснетъ она.
Изъ за темной перадостной тучи
Никогда не пробьется луна.

Никогда не прольется въ брешное
Мое сердце любовь ея.
Такъ зачѣмъ же безумствую я
Надъ далекой и мертвой Равенною?

Такъ зачѣмъ же я жду пословъ
Съ императорской вислой печатью,—
Или мало женскихъ объятій,
Или мало любовныхъ словъ?

Не вѣнчай, но, меня погребая,
Равенскихъ розъ нарви.
Ты видишь, я умираю
Отъ моей безсмертной любви.

1.

(ЮВЪ Ц, 9).

Ничего не просилъ у Бога:
Зналъ, что Богъ ничего не дастъ.
Только пристально такъ и строго
Все смотрѣлъ на красный закатъ.

За спиной жена говорила:
„Что ты смотришь такъ? Что стоишь?“
Похули Господне Имя
И съ закатомъ, съ темнымъ, умри“.

Не хотѣлъ. И былъ безъ надежды,
И опять не хотѣлъ — не могъ.
А холодная ночь одежды
Уронила на мокрый песокъ.

2.

Она—блѣдиѣ, чѣмъ вчера—
Полулежала въ пестромъ креслѣ,
Пока дрожали вѣера
Вечернихъ вздоховъ легкой пѣсни.

Надъ тишиной печальныхъ лицъ
Зажглась презрительно и тонко
Въ свинцовомъ сумракѣ рѣсницъ
Слеза капризнаго ребенка.

И въ часъ, когда тоску труда
Переживаетъ смутный гений,
Душа взмываетъ иногда
Въ туманахъ темныхъ вдохновеній.

Пронзительно поеть любовь,
Живетъ въ словахъ, какъ въ складкахъ шали,
Въ простомъ узорѣ скудныхъ сновъ
На черномъ кружевѣ печали.

3.

Я думалъ: все осталось сзади, —
Круги безмысленныхъ планетъ,
Страницы порванныхъ тетрадей.
Я вѣрилъ: будущаго нѣтъ.

Такъ я темно и слѣпо вѣрилъ,
Такъ обручилъ себя судьбѣ,
Сказалъ объѣтъ и заперъ двери,
А ключъ, Господь, вручилъ Тебѣ.

Ты видѣлъ всѣ мои года
За Книгою о Беспредѣльномъ,
Всѣ ночи страшнаго труда,
Всѣ слезы о трудѣ безцѣльномъ.

Господь, Ты знаешь, сколько разъ
Въ моихъ дверяхъ томился кто то.
Я вѣрилъ: не придетъ Суббота,
И не отвелъ отъ книги глазъ.

Такъ вѣрилъ. Но она пришла,
И было это такъ: весь вечеръ
Надъ Ювомъ я теплилъ свѣчи
И пѣлъ священныя слова.

И вдругъ забылъ послѣдній стихъ,
И вотъ упалъ въ крови и въ потѣ,
Вотъ въ крикахъ бился, вотъ женихъ, —
Женихъ во срѣтенье Субботѣ!..

Безуміе поетъ, звеня
Неистовыми голосами.
Теперь конецъ. Убей меня
Неумолимыми глазами.

УКАЗАТЕЛЬ КЪ „ГИЩЕРБОРЕЮ“

за 1912—1913 годъ.

Имена авторовъ.

Ахматова, Анна. I. 5—6. V. 3—7. VIII. 3—7. IX—X.
3—5.

Бестужевъ, Вл. II. 3. 5—8.

Блокъ, Александръ. II. 4.

Бруни, Николай. III. 12.

Галаховъ, Василій. VIII. 8—12.

Гарднеръ, Вадимъ. VI. 3—5.

Гедройцъ, Сергѣй. I. 25. VI. 6—7. IX—X. 6—8.

Гипшюсъ, Василій. I. 7—9. IV. 3—26.

Городецкій, Сергѣй. I. 13—14. V. 11—14. IX—X.
9—11.

Горчаковъ, А. V. 15—16.

Грааль Арельскій. V. 8—10. VIII. 13—15.

Гумилевъ, Н. I. 10—12. III. 3—8. VI. 8—11. VII.
3—21. IX—X. 12—16.

Зенкевичъ, М. II. 9—11. VIII. 16—18. IX—X. 17—19.

Ивановъ, Георгій. II. 12—15. V. 17—20. VIII. 19—
22. IX—X. 20—24.

Клюевъ, Николай. I. 15—19.

Кузминъ, М. II. 16—17. IX—X. 25—27.

Кузьмина-Караваева, Е. II. 18—20.

Лозинскій, М. II. 21—23. VI. 12—15. IX—X. 28—29.
Мандельштамъ, О. I. 20—22. II. 9—11. V. 21—24.
VIII. 23—25. IX—X. 30—32.
Моравская, М. III. 18—19.
Нарбутъ, Владимиръ. I. 23—24. III. 13—17. VI. 16—
20. IX—X. 33—35.
Парнокъ, В. IX—X. 36.
Пунинъ, Н. IX—X. 37—38.
Радимовъ, Павелъ. III. 22—25. VI. 21—24.
Судейкинъ, Сергѣй. VI. 25.
Шилейко, В. IX—X. 39—41.
Эйхенбаумъ, Б. V. 25.
Эренбургъ, И. III. 20—21.

ГИПЕРБОРЕЙ

ежемѣсячникъ стиховъ и критики,
выходящій 10 разъ въ годъ
при непосредственномъ участіи
Сергѣя Городецкаго и Н. Гумилева.

Комплекты журнала за 1912—1913 годъ (1 р. 50 к.)
и отдѣльные №№ (25 к.) продаются въ конторѣ жур-
нала—Книжный складъ М. Аверьянова, Фонтанка, 38.
Тлф. 128-55.

Адресъ редакціи: СІБ., Петербургская Сторона,
Малый просп., 26/28, кв. 27. Тлф. 577-63.

Редакторъ-издатель М. Лозинскій.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГИПЕРБОРЕЙ».

Анна Ахматова. Четки. Стихи. СПб. 1914. Ц. 1 р.
25 к.

И. Гумилевъ. Одноактныя пьесы въ стихахъ.
Готовится.

Георгій Ивановъ. Горница. Стихи. *Печатается.*

М. Лозинскій. Стихотворенія. *Готовится.*

О. Мандельштамъ. Камень. Стихи. 2-ое изданіе, до-
полненное. *Готовится.*

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ
бывш. М. В. Попова, Невскій, 66.

ИЗДАНИЯ ЦЕХА ПОЭТОВЪ.

Анна Ахматова. В с е р ъ. Съ предисловіемъ М. Кузмина. Съ фронтисписомъ въ три краски Е. Лансере. С П Б. 912. Ц. 90 к. *Распродано.*

Вл. Блестужевъ. Возвращеніе. С П Б. 912. Ц. 1 р. 20 к.

Сергѣй Гедройцъ. В е г ѣ. (1910-1913). С П Б. 1913. Ц. 1 р.

Грааль Арельскій. Л е т е й с к і й Б р е г ѣ (1910-1913). С П Б. 913. Ц. 70.

Н. Гумилевъ. К н и г а Б а л л а д ѣ. *Готовится.*

М. Зенкевичъ. Д и к а я П о р ф и р а. С П Б. 912. Ц. 90 к.

Е. Кузьмина-Караваева. С к и ѳ с к і е Ч е р е п к и. С П Б. 912. Ц. 90 к.

Владимиръ Нарбутъ. А л л и л у і а. С П Б. 912. Ц. 75 к.

Уничтожено по постановленію суда.

Владимиръ Юнгеръ. П ѣ с н и п о л е й и к о м н а т ѣ.

С П Б. 914. Ц. 1 р.

Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ

Т-ва М. О. Вольфъ.